

понента в каком-либо из значений, осознается носителями языка в качестве 'лжи' как таковой. «Мало» 'лжи' быть не может — ложь есть ложь независимо от ее «количества». Значит, 'ложь' имеет не только фиксированную левую границу (см. рис. на с. 44), но и правую. С другой стороны, 'истина' может вторгаться в область частичного несоответствия X -а и Y -а, о чем говорят значения слов правдоподобный и полуправда. Следовательно, языковой смысл 'истина' отличается от смысла 'ложь' не только бесконечностью своей правой границы, но еще и размытостью, нечеткостью левой.

Таким образом, получила свое объяснение последняя асимметрия. Подводя итог, следует сказать, что тенденция к наличию Л-антонима и отсутствию соответствующего ему И-слова предопределена сходством истины и коммуникации: значение слова *истина* (vs. понятие истины) и значение слова *говорить* (vs. речевой акт) представляют собой два случая общей модели — модели частичного тождества. Поэтому И-содержание — $X\bar{T}Y$ — может быть выражено не только И-словами, но и другими (да, факт, так оно и есть и др. [7, с. 178, 179]), а в данном случае семантическим примитивом *говорить*.

6. Адекватность предложенного в настоящей работе понимания истины как частичного (в отношении Z) тождества X (сказанного) и Y (того, о чем сказано) может быть подтверждена не только его эвристической ролью в объяснении фактов 1.1—1.6, но еще и следующими соображениями.

6.1. Существуют лексические единицы, не отнесенные нами к семантическому полю ИСТИНЫ — ЛЖИ, которые способны к выражению смысла 'истина', нерасчлененно сочетающегося со смыслом 'быть, существовать в действительности'. Например, слово факт в контекстах типа *На дворе весна — это факт; СССР перестал существовать — факт неопровержимый; Факт, не подлежащий сомнению: от Москвы до Великих Лук 465 км и т. п.* имеет значение 'то, что существует в действительности' (о других употреблении предиката *факт* см. [15, с. 155—169]). И в этих же предложениях *факт* может быть заменен без изменения смысла предложений на слово *истина*, которое также не теряет своего значения. В итоге создается интегральное содержание истины-факта как того, что существует в действительности. Еще более убедительным свидетельством в пользу сказанного служит фразеологизм *так и есть (так оно и есть)* — «Действительно, подлинно, совершенно правильно» [27, с. 469]. Его внутренняя форма удивительно сходна со структурой толкования истины, поэтому *так оно и есть* ($X\bar{T}Y$), несомненно выражающий и идею существования в действительности, и идею тождества, в любых контекстах взаимозаменним с предикатом *истина*. Кроме того, введение в структуру данного фразеологизма отрицания создает своего рода перифразу со значением лжи — *это не так* ($X\bar{T}\bar{Y}$).

То, что предикат *факт* имеет значение 'то, что существует в действительности', доказывается как его бытованием в современном русском языке (Факты говорят сами за себя, В основе теории — факты объективной действительности), так и историей употребления данного слова (см. об этом [25]). Если говорить о концепте факта, то и здесь имеется прецедент его отнесения к «естественной онтологии». Так, З. Вендлер, различая события и факты, тем не менее утверждает, что последние «существуют сами по себе, объективно; их можно обнаружить или раскрыть» [26, с. 275].

6.2. Лексикографическая традиция толкования истины — «Того, что существует в действительности» [28, т. V, с. 336], «действительного положения вещей» [2, т. I, с. 688] — подтверждает правильность выбранного нами пути и неожиданным образом развивает основную его идею. Дело в том, что чисто философское, казалось бы, осмысление действительности не только как внешнего материального мира, но и просто как всего того, на что может указывать знак, оказывается в полной мере присуще наивно-языковому сознанию в его лексикографическом представлении. Действительность в таком понимании может стать все, что может быть денотатом. Наверное, этот процесс обращения в действительность неограничен, но для нас важно то, что своего рода онтоло-